

Глава 6

Удушливое зловоние, разносившееся из дома Ванов, в конце концов переполошило даже старосту.

Едва забрезжил рассвет, как в ветхую мазанку набились любопытные кумушки. Одни прибежали, едва накинув ватники, другие — в спешке обувшись на босу ногу, и теперь, не боясь мороза, вытягивали шеи, стараясь заглянуть внутрь. Зима — не лето и не осень, когда припасы быстро портятся; что же такого съели Ваны, чтобы так осрамиться на всю деревню?

Ван Чжуанцзы и Чжэн-ши промучились всю ночь. Даже две чаши снадобья не принесли облегчения: супруги лежали бок о бок на кане, обхватив животы и заходясь в мучительных стогах. Братец Ань, которому лекарь Ци влил лекарство, перестал метаться — жар спал, рвота прекратилась, и Сестрица Пин унесла его спать в комнату к парализованной бабке.

Дверь в тесную каморку была распахнута. Там, забившись в угол, сидел Горшочек. Вид у него был сонный и потерянный: прижав к себе глиняный горшочек, он дремал, уткнувшись подбородком в грудь. Малыш не обращал внимания ни на охи хозяев, ни на приглушённый гомон односельчан. Он казался маленьким, всеми забытым существом.

В главной комнате, пропахшей нечистотами, корчились супруги, на полу теснились староста, лекарь и любопытные старухи, а в маленькой каморке ютились бабка с детьми — на Горшочка, притаившегося в своём углу словно мышонок, почти никто не смотрел. Кое-кто даже подумал, что мальчонка просто преданный и боится отойти от названных родителей в час их нужды.

Ли Маодэ внимательно присмотрелся к Горшочку. Лица ребёнка не было видно, но он заметил, что тот словно бы ещё больше осунулся.

Почуввав неладное, Ли Маодэ повернулся к лежащим на кане:

— Что вы ели вчера вечером? Отчего такая напасть?

Едва живая Чжэн-ши, ловя ртом воздух, прохрипела:

— Похлёбку из капусты с хлебом... и ещё... каждый съел по паре печёных картофелин.

— А Сестрица Пин и малец их не ели? — нахмурился староста.

Чжэн-ши покрылась холодным потом и запнулась. Ван Чжуанцзы, хоть и страдал не меньше, был крепче духом. Стиснув зубы, он перехватил инициативу:

— Ели... все ели... только они помалу, а мы... ох, видать, жадность сгубила... Ох, матушки, как

же больно!..

— Посмотрите сюда, староста, — лекарь Ци подошёл, неся в подоле халата несколько почерневших картофелин. — Эти плоды погрызли «серые хозяева». Я поднёс их к лампе, так внутри полно крысиного помёта и копошатся новорождённые мышата.

Услышав это, одна из женщин вскрикнула:

— Неужто Ваны подцепили узелковую чуму, что от крыс передаётся?!

При этой болезни несчастных изводит рвота и понос, а по телу ползут гнилостные язвы. Обычно такая зараза косит людей в голодные годы, но в империи Да Кан ныне царил мир, а границы были спокойны. В деревне Маоси об этой чуме не слыхивали уже добрых тридцать лет.

Ван Чжуанцзы в ужасе попытался приподняться, его лицо стало бледнее извести:

— Нет... нет! Мы просто отравились гнилью, это не чума!

Старухи, что пробрались в дом ради праздного любопытства, в страхе попятились к выходу, причитая:

— Пресвятые силы, только бы не на нас перекинулось!

Управа строго-настрога наказывала старостам немедля докладывать о любых признаках мора. Старики ещё помнили жуткие рассказы о том, как много лет назад на юге после наводнения в одной деревне вспыхнула узелковая чума. Стоило вести дойти до двора, как через несколько дней селение выгорело дотла — те дома, где были больные, подожгли среди ночи вместе с живыми людьми.

— Тихо! Не смей шуметь! — голос Ли Маодэ прозвучал властно и сурово. Он со скрытой тревогой взглянул на лекаря: — Скажи честно, что за недуг свалил этих двоих?

— Это не чума, — уверенно ответил лекарь Ци. — Я читал описания мора в книгах, оставленных моим отцом. У Ванов совсем иные признаки. После снадобья рвота и понос прекратились, у них нет жара, нет озноба, и кожа чиста, без единого пятнышка. Сейчас их мучает лишь резь в животе.

Лекарь нахмурился, явно в замешательстве:

— Странно всё это. Я дал им пилюли «Сянлянь», чтобы унять жар и восстановить силы, велел приложить к пупкам припарки из трав... По всем законам медицины боль должна была уйти

ещё час назад.

Слова лекаря успокоили старосту. Он гневно зыркнул на притихших старух:

— Слышали? Нет никакой чумы. А кто станет разносить ложные слухи и сеять смуту — того я сам отведу в управу!

Если по деревне поползёт дурная слава, погибнут не только Ваны — под удар попадёт каждый житель Маоси.

Осаженная Ли Маодэ женщина, желая сохранить лицо, прошептала соседке:

— Ну и почему тогда они до сих пор корчатся? Братцу Аню помогло, Сестрица Пин и малец — целехоньки, а эти двое как проклятые. Уж не прогневали ли они каких богов, что те на них кару послали?

От этих слов супругам стало не по себе. В животах у них всё так же крутило, и никакие снадобья не помогали. Словно невидимая рука сжимала их внутренности, наказывая за что-то тайное.

Ваны переглянулись. Другие могли не знать, но они-то помнили: вчера Сестрица Пин наелась досыта, даже за Анем картошку доела. Почему же она здорова? Если вдуматься, во всём доме только она и была добра к тому подкидышу.

По спинам хозяев дома пробежал холодок. Чем больше они думали, тем страшнее им становилось. В одном коротком взгляде они прочитали мысли друг друга.

«Мальчишка — оборотень!»

«Нельзя его оставлять! Никакое серебро не стоит жизни!»

Глаза Чжэн-ши дико округлились, и она заголосила на весь дом:

— Нет правды на свете! Пригрели змею на груди! За доброту свою кару несём!

Люди вздрогнули от её внезапного крика. Староста нахмурился:

— Чжэн-ши, следи за языком. Не смей винить ребёнка в своих бедах!

— В этом мальчишке... в нём само зло сидит! — пролепетал Ван Чжуанцзы, дрожа всем телом.
— Те, кто ему помогают, добром не кончают! Вспомните Чэна — едва не помер, а теперь

посмотрите на нас! Не будем мы его растить, забирайте!

Пока он кричал, несколько назойливых баб вытащили из тёмной каморки Горшочка, который от холода и усталости едва держался на ногах.

Вэй Чэн поднялся ещё до рассвета. Душа его была не на месте. Дядюшка Чжуанцзы сказал, что сегодня поведёт детей к родственникам; значит, если он придет пораньше, то обязательно увидит Горшочка у ворот.

Ветви заиндеветшего зизифуса в углу двора гнулись под инеем, земля была скользкой и твёрдой. Не успел мальчик выйти из своей каморки, как на его ресницах осела изморозь. Он выдохнул облачко пара, плотнее запахнул ворот и поспешил к калитке, но остановился, услышав испуганный вопль Лю-ши из комнаты третьей ветви:

— Матушка! Брат! Помогите скорее! Саньнянь... Саньнянь ног не чувствует, поясница отнялась!

Вэй Чэн замер на мгновение. Когда он вернулся вчера вечером, в доме семьи Вэй все только и делали, что бегали к раненому, так что до него никому не было дела.

Он, не оборачиваясь, вышел со двора.

«Какое ему дело, что Саньнянь расшибся или вовсе парализован?»

Сейчас ему всего восемь, он не может тягаться с сильными дядьями, но память у него долгая.

«Придёт время, и он спросит с каждого»

Пройдя немного, мальчик заметил, что деревенские женщины тоже спешат в сторону дома Ванов, перешёптываясь на ходу.

— Брат Чэн! Брат Чэн!

Вэй Чэн обернулся. К нему, запыхавшись, бежали двое мальчишек.

— Брат Чэн, как твои раны? — выдохнул Ма Доумяо. Он был всего на пару месяцев младше товарища и считался его верным другом с малых лет.

Когда родители Вэй Чэна были живы, они с приятелями часто бегали в горы и ловили рыбу. Но

после смерти отца мать увезла его в деревню Цзянхэ, и связь оборвалась. Лишь в прошлом году, когда его вернули в Маоси, старые друзья снова стали навещать его.

Ма Доумяо, глядя на повязку на голове друга, возмутился:

— За что этот ирод Саньнянь так тебя приложил? Пойдём к старосте! Если не поможет — я отца позову!

Вэй Чэн вкратце рассказал, как спас Горшочка. Доумяо так и вспыхнул:

— Малыш не ел его хлеба и места в доме не занимал, с какой стати кулаками махать?! Был бы я там с батей, мы бы из этого Саньняня всю дурь выбили!

Отец мальчишки слыл в деревне лучшим мясником и обладал недюжинной силой.

— И всё же, Чэн, ты поступил опрометчиво, — тихо вставил худощавый Цюаньцзы. — Как ни крути, негоже тащить в дом бродяжку с большой дороги.

— Горшочек не бродяжка! Его Ваны приняли как родного, теперь у него есть семья! — Вэй Чэн впервые сорвался на друга.

— А ты разве не знаешь? — Цюаньцзы съёжился. — Бабушка только что от них вернулась. Сказала мне и близко к их дому не подходить. Ваны ночью чуть богам душу не отдали, только малец здоровёхонек. Говорят, это он беду на клич принёс. Ты видел, что Фан Вэнь не пришёл? Он тоже хотел с нами погулять, да мать его со двора не выпустила — боится, что от встречи с подкидышем у Фан Вэня удача на экзаменах пропадёт.

Лицо Вэй Чэна потемнело. Он сорвался с места и во весь дух помчался к дому Ванов.

Ма Доумяо бросился следом, но Цюаньцзы ухватил его за рукав:

— Доумяо, не лезь туда! А ну как и впрямь заразу подцепишь? Скоро Новый год, отцу заказы на свиней повалят, а если ты заболеешь — матушка тебя живьём съест!

— Да плевать мне на заразу! Друга обижают, а ты о свиньях думаешь! — Доумяо с силой оттолкнул его руку и убежал.

Глядя им вслед, Цюаньцзы лишь презрительно хмыкнул. Ему больше нравилось общество Фан Вэня, который учил грамоту. Тот скоро станет важным чиновником, и раз он не лезет в это дело, то и Цюаньцзы незачем.

Прибежав к Ванам, Вэй Чэн увидел, как старухи теснят Горшочка. Малыш, не поднимая головы, прижимал к груди свой горшочек, молча снося толчки и злые выкрики.

— Ну, отвечай, чей ты? Откуда взялся?

— Староста! Если ребёнок проклят, нельзя его в деревне оставлять!

— Верно говорите! Кто ж его кормить станет? Одно разорение!

— Не трогайте его!

Вэй Чэн растолкал толпу и, отшвырнув в сторону трёх старух, заслонил собой Горшочка. Он скалился, точно волчонок, готовый вцепиться в горло любому:

— Никто не смеет к нему прикасаться!

— Братик...

Вэй Чэн почувствовал, как маленькая ручка ухватилась за край его одежды.

— Братик! — снова позвал тонкий голосок.

Мальчик опустил взгляд. Глаза малыша были полны слёз, губы дрожали. Убедившись, что перед ним и впрямь Вэй Чэн, Горшочек вдруг отчаянно зарыдал:

— Братик...

— Тише, тише... я здесь. Хороший мой, не плачь.

Сердце Вэй Чэна сжалось от боли. Он принялся вытирать грязное личико ребёнка и вдруг замер. На щеке темнел багровый кровоподтёк. Дрожащими руками он оттянул ворот тонкой курточки и на плече увидел такие же тёмные, налитые кровью следы от щипков.

Как же сильно нужно было терзать Горшочка, чтобы остались такие отметины!

— Посмотрите на Чэна! — закричал кто-то в толпе. — Гляньте на его лицо, на пробитую голову! Это всё малец его сглазил!

— А Ваны до сих пор мучаются, лекарь уже в город за подмогой послал...

— При чём здесь сглаз?! — закричал Вэй Чэн, и голос его сорвался. — Вэй Саньянь меня избил, потому что он зверь в человеческом обличье! А Ваны страдают, потому что сердце у них гнилое, как та картошка, что они съели!

Он бросил ледяной взгляд на корчашуюся Чжэн-ши и Ван Чжуанцзы, а затем подтолкнул плачущего Горшочка к старосте:

— Дядюшка Мао, посмотрите! Следы на лице и плечах — разве это не от человеческих рук?!

Ли Маодэ наклонился, и лицо его потемнело от гнева:

— Чжуанцзы, откуда у ребёнка эти раны?

— Упал... наверное... — прохрипел Ван Чжуанцзы, обливаясь потом и прижимая руки к животу.
— Дети... они же непоседливые...

— Врёшь! Это следы от щипков! Меня мать точно так же за задницу щипала! — выкрикнул пробравшийся вперёд Ма Доумяо.

Вэй Чэн коснулся щеки малыша и мягко произнёс:

— Горшочек, скажи нам правду. Кто тебя так обидел?

— Это... она... плохая... — всхлипывая, пролепетал ребёнок. Он указывал прямо на Чжэн-ши.

— Не я это! Не я! — заголосила женщина. — Не трогала я его, сам он ударился!

Но стоило ей договорить, как новая волна боли скрутила её живот — во много раз сильнее прежней!

Ван Чжуанцзы тоже взвыл. Сильный мужчина плакал навзрыд, из носа и глаз текло, лицо стало иссиня-бледным. Казалось, смерть уже стоит за его плечом.

— Я... я всё скажу! Это Чжэн-ши его щипала! — взмолился он, инстинктивно чувствуя: лишь правда облегчит его муки.

И чудо свершилось — резь в животе внезапно притухла.

Теперь пришёл черёд Чжэн-ши метаться в агонии. Обливаясь липким потом, она закричала:

— Да, это я! Я щипала его! О небо, смилуйся, прекрати эту пытку!

— Она хотела отнять у мальчика его горшок, а он её укусил! Вот она и вцепилась в него со злости!

Чжэн-ши, чьи глаза налились кровью, тоже поняла правила этой жуткой игры. Срываясь на визг, она выпалила:

— А ты?! Ты сам запер его в камерке! Побоялся, что сбежит, и продержал в холоде всю ночь! А потом испугался, что люди увидят, и сам отпер замок!

Ван Чжуанцзы снова зашёлся в крике и выпалил:

— Ты... ты еды ему не давала! По кусочку с ногтей раз в день бросала!

— Так ты ж сам меня учил! — Чжэн-ши в исступлении колотила кулаками по кане. С растрепанными волосами и мертвенно-белым лицом она походила на мстительного духа. — Сказал, что надо ему руки-ноги отрубить и продать в главный город нищим! Сказал, для того и взял его! Велел не кормить лишнего, всё равно на продажу пойдёт!

При этих словах и Ли Маодэ, и крестьяне замерли. Никто и подумать не мог, что «честные и тихие» Ваны скрывают в себе такую чёрную бездну.

Кровь ударила Вэй Чэну в голову. Сжав кулаки, он бросился было к кане, чтобы самому расправиться с этими извергами, но Горшочек крепко вцепился в него.

— Братик, не надо. Они вонючие. Грязные.

Ли Маодэ взревел от ярости:

— Ван Чжуанцзы! Вы... вы сущие звери! Клялись перед небом, что станете мальчику семьёй, а сами морили его голодом и готовили на погибель! Нет вам места среди людей! Поделом вам эта кара!

Чжэн-ши вдруг вздрогнула, словно очнувшись от наваждения. Что... что она только что наговорила?

Она взглянула на мужа: тот лежал на спине, лицо его стало землисто-серым, а штаны потемнели от влаги. От невыносимой боли он потерял сознание.